

Обзоры и рецензии * *Reviews*

<https://doi.org/10.3176/lu.1973.3.08>

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

В. М. ВАСИЛЬЕВ И ФОРМИРОВАНИЕ МАРИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(К 90-летию со дня рождения)

В развитии марийского литературного языка в начале XX века начался новый этап. Поворотным моментом в процессе его формирования стало издание «Марла календарь», одним из создателей и редакторов которого был В. М. Васильев (1883—1961), страстный любитель и ценитель родного слова. Приступив к редакционно-издательской работе в годы первой русской революции, В. М. Васильев занимался совершенствованием родного языка всю свою жизнь, и еще до революции он стал одним из самых активных поборников расширения книгоиздательского дела на марийском языке.

В. М. Васильев больше известен в науке как лингвист, отец марийского языкознания. Но не меньше заслуги его и в области создания и развития литературного языка. Н. Т. Пенгитов справедливо отметил, что В. М. Васильев впервые поставил проблему выработки общенациональных норм марийского литературного языка.¹

В 1908—1921 годах научные интересы его касались главным образом именно литературного языка. Не отошел от них он и в самый плодотворный период языкового строительства — 20—30-е годы.

До появления «Марла календарь» марийские книги издавались на трех наречиях. Занималась этим переводческая комиссия так наз. братства св. Гурья. В «Марла календарь» был сделан решительный шаг по преодолению диалектных границ. На его страницах В. М. Васильев прямо поставил вопрос о необходимости «книжного языка» и для марийцев. «Марла календарь» стремился сделать язык доступным всему марийскому народу, тем самым издатели его предприняли первую попытку создания общенародного литературного языка. Особенно интенсивной деятельность В. М. Васильева в этом направлении была в 20—30-е годы. В середине 20-х годов возникло движение за создание единого литературного языка. В. М. Васильев стал одним из активных его участников. Проблему единого языка он рассматривал в качестве одной из важных задач культурного строительства. Еще в начале 1926 года в газете «Йошкар кече» появилась его статья «Давайте объединимся»², в которой впервые публично была поставлена проблема необходимости создания единого литературного языка для марийцев. В том же году он развил эту мысль и научно обосновал возможность такого языка в статье, напечатанной в журнале «Марийское хозяйство».³ По этому вопросу во второй половине 20-х годов В. М. Васильев выступал неоднократно. Он придерживался той точки зрения, что единый литературный язык необходимо создать на основе моркинско-сернурского говора лугового наречия с обязательным привлечением лексического и грамматического материала из других диалектов, прежде всего из горного. Такой путь в условиях 20-х годов для марийского литературного языка был, пожалуй, единственно правильным.

¹ Н. Т. Пенгитов, Валериан Михайлович Васильев. — ТМарНИИ, вып. XII, Йошкар-Ола 1958, стр. 174.

² В. М. Васильев, Айста ушнена. — Йошкар кече, 16 марта 1926.

³ В. М. Васильев, К вопросу об объединении наречий и говоров марийского языка. — Марийское хозяйство 1926, № 1—6, стр. 120—127.

Проблему создания единого литературного языка в 20-е годы В. М. Васильев разрабатывал не только теоретически. В частности, целиком данной идее была подчинена его работа над известным словарем «Марий мутэр» (Моско 1928). Тем же руководствовался он в обширной деятельности в различных языковых комиссиях.

Идею создания единого языка В. М. Васильев продолжал отстаивать и в 30-е годы, вернулся к ней в 50-е годы, когда вновь встал вопрос об общенародном литературном языке.

Много внимания уделял М. В. Васильев и лексическому обогащению языка, хорошо понимая, что в обогащении литературного языка на первоначальном этапе его развития существенная роль принадлежит диалектам. В одной из редакционных статей «Марла календарь» В. М. Васильев писал, что использование слов различных диалектов способствует обогащению словарного состава родного языка, делает его разнообразней и красивей.⁴ Календарь осуществлял эту мысль. Менее распространенные, но существенно дополняющие определенные значения диалектизмы смело вводились в нем в общенародный словарный запас. С этой целью в дальнейшем В. М. Васильев в течение многих лет плодотворно занимался сбором лексического материала разных диалектов. В 1910 году он обратился к попечителю Казанского учебного округа Н. Ф. Катанову с предложением издать «Сравнительный словарь наречий марийского языка». Однако царский чиновник категорически запретил ему заниматься подобной деятельностью.⁵ В полном объеме словарь был издан только в 1928 году.⁶ Однако в 1911 году В. М. Васильеву все же удалось опубликовать небольшой словарь, включавший около 2000 слов.⁷ В нем были представлены слова из лугового и восточного наречий. Этот словарь сыграл определенную роль в становлении норм литературного языка и его обогащении. Как правильно отметил Г. С. Патрушев, «содержащиеся в нем лексические данные послужили основой для составления в дальнейшем других словарей марийского языка».⁸ Издание этого словаря по существу было продолжением работы, начатой в «Марла календарь».

Заметное влияние на развитие литературного языка оказала и редакционно-издательская деятельность В. М. Васильева, в которой он опирался прежде всего на народный язык, постоянно изучал его, собирал образцы устно-поэтического творчества народа, пропагандировал их и публиковал. Фольклорно-разговорный язык в период деятельности В. М. Васильева получил широкий доступ в литературный язык. Именно он лег в основу марийского литературного языка. В. М. Васильев подходил к нему творчески, обрабатывал его в соответствии с требованиями литературного языка. В его публицистических статьях и переводах смело расширялись значения слов и выражений в соответствии с требованиями времени.

В. М. Васильев сначала был сторонником создания «чистого» марийского языка, возрождения «языка предков», который он видел прежде всего в фольклоре. В пред-революционные годы несколько изменились его взгляды на вопросы заимствования. Однако он был очень осторожен в этих вопросах и по существу те же позиции защищал в 20-е годы: в обогащении лексики литературного языка заимствованию он отводил второе место, основным источником обогащения словарного состава литературного языка считал собственную лексическую базу марийского языка. Такое отношение основывалось исключительно на большом уважении родного слова, умении ценить красоту родной речи. Однако В. М. Васильев понимал, что в эпоху бурных событий, разгернувшихся в нашей стране, марийский язык не может ограничиться только собственными возможностями, поэтому уже в «Марла календарь» не без его влияния появляется значительное для того времени число русских заимствований. Еще больше их в газете «Ўжара», которую он редактировал. Однако следует подчеркнуть, что

⁴ Марла календарь 1909, стр. 3.

⁵ Архив МарНИИ. Личное дело В. М. Васильева, стр. 97.

⁶ Ўпымарий, Марий мутэр, Моско 1928.

⁷ В. Васильев, Черемисско-русский словарь. Пособие при изучении черемисского языка, Казань 1911.

⁸ Г. С. Патрушев, В. М. Васильев как лексикограф. — ТМарНИИ, вып. XIII, Йошкар-Ола 1959, стр. 169.

В. М. Васильев в основном все же являлся сторонником обогащения литературного языка на базе его собственных возможностей. Это отразилось и на его деятельности по созданию марийской научной терминологии, которой он занимался при работе над переводами различных научно-популярных книг на марийский язык и в специальной комиссии по созданию новых слов, образованной в 20-е годы, а затем при составлении терминологических словарей в 30-е годы. В первые годы после революции и в 20—30-е годы он разработал целую систему терминов по отдельным отраслям науки: математике, медицине, политической экономии, лингвистике, биологии, химии, физике и т. д. Многие из них прочно вошли в арсенал литературного языка.

В. М. Васильев был одним из создателей политической терминологии марийского литературного языка. В 20—30-е годы ему приходилось много заниматься переводами и редактированием книг на политические темы. Сразу после революции он перевел на марийский язык текст Конституции РСФСР (1919), «Интернационал» (1920) и т. д. Издательская деятельность постепенно выработывала в нем особую симпатию к словотворчеству. В. М. Васильев в период формирования марийского литературного языка создал много слов для обозначения новых понятий. Ему мы обязаны такими словами, как *почеламут* 'стихотворение', *пүртүс* 'природа', *мутер* 'словарь', *шанче* 'наука', *савыкташ* 'печатать' и т. д. Значительное количество созданных им слов встречается в словарях «Марий мутэр» и «Русско-марийский словарь» (Москва 1928). Необходимо отметить, что В. М. Васильев в вопросах обогащения лексики стоял на позиции, которую зачастую неоправданно называют пуристической. В том, что после реформы 1938 года значительная часть его речетворчества вышла из активного употребления, не столько повинен его «пуризм», хотя и это не исключается полностью, сколько изменение самого направления языкового строительства. Если бы не произошло крутого поворота в языковой политике, большая часть его новосозданий заняла бы достойное место в активном словаре нашего литературного языка.

В. М. Васильев много занимался также теоретическими проблемами литературного языка. Сразу после революции он издал грамматику марийского языка⁹, в которой сделал попытку научно обосновать устанавливающиеся литературные нормы, в частности принципы марийской орфографии. В грамматике подчеркивается преимущество «орфографического письма», под которым он понимал фонематический принцип правописания: «орфографическое письмо вносит в самое дело изучения языка стройность, порядок, единообразие».¹⁰

В своих «Записках» В. М. Васильев установил некоторые грамматические нормы литературного языка. В основу их он положил особенности моркинско-сернурского говора, тем самым еще раз подтвердил, что именно данный говор — диалектная база литературного языка. В частности, он обратил особое внимание на употребление глагольных форм, имеющих значительные расхождения в диалектах, установил целый ряд правил употребления притяжательных форм в литературном языке. Важные замечания сделаны В. М. Васильевым и в отношении синтаксических норм, например, об употреблении двух форм винительного падежа — оформленной и не-оформленной. Данные формы употребляются в марийском языке только в определенных контекстах. В. М. Васильев в этом отношении предлагает следующее правило: «Если действительный глагол стоит в неопределенном наклонении, то в требуемом им прямом дополнении окончание винительного падежа опускается».¹¹ Это положение закрепилось в литературном языке. Установил он также некоторые правила согласования подлежащего и сказуемого, в частности при подлежащем, выраженном сочетанием существительного с числительным (отметив при этом, что существительное в сочетании с числительным не принимает суффикса множественного числа) сказуемое употребляется в единственном числе.

⁹ В. М. Васильев, *Записки по грамматике языка народа мари*, Казань 1918.

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ Там же, стр. 68.

Большое значение для установления литературных норм имели разработанные В. М. Васильевым стилистические правила. Он дал всего шесть правил.¹² Вполне понятно, что правила не охватывали всех случаев расположения слов в марийском предложении, но в отсутствии стабильных стилистических норм литературного языка они являлись весьма своевременными рекомендациями для формирования его стилистико-грамматических норм.

Некоторые замечания относительно стилистических норм литературного языка можно найти в его работе «Материалы по марийской поэтике» (1930). Вопросы нормирования грамматики интересовали В. М. Васильева и в 30-е годы, что, в частности, отражено в его трудах по вопросам падежей и орфографии, изданных накануне конференции 1937 года.¹³

Деятельность В. М. Васильева в области формирования и развития литературного языка была многогранной. Его по праву можно считать также одним из создателей современной орфографической системы марийского языка. К этой работе он приступил еще в дореволюционный период и не выпускал ее из поля зрения вплоть до последней орфографической реформы 1954 года.

До 1918 года на марийском языке книги издавались в орфографии переводческой комиссии. Нельзя сказать, что она была совершенно непригодной для марийского языка, но она страдала целым рядом непоследовательностей, что давало повод для возникновения разногласий и недоразумений, которые в свою очередь вели к нарушению стройности и устойчивости литературного языка. Учитывая это, в 1917 году в газете «Ўжара» В. М. Васильев выступил со специальной статьей, посвященной вопросам орфографии. По старой орфографии безударные гласные конца слова во всех случаях обозначались через *ы* якобы для упрощения. В. М. Васильев решительно отверг такой принцип. «Законы гармонии, которым следует наша транскрипция, — писал он, — весьма просты и привычны для языкового чутья природного мари, который поэтому не затруднится в правильной передаче конечных гласных. В таком случае какой смысл, спрашивается, вводить ненужную для самих мари искусственную простоту? Может быть, это нужно, как приходится слышать иногда, для облегчения труда лиц из других национальностей при изучении ими нашего языка? Но в этом случае, как бессмысленна, однако, услуга, если эти другие лица, благодаря упрощенной транскрипции, приобретают совершенно неправильное произношение, искажающее язык? С другой стороны, все, что для каждого представляет национальную ценность и что народ вынашивает веками, — всем этим должен дорожить, как самой своей жизнью».¹⁴ Основываясь на законе гармонии гласных по огубленности, он установил правила правописания безударных конечных гласных соответственно через *э* или *о*, *ö*.

В 20-е годы в связи с дискуссиями по вопросам орфографии литературного языка В. М. Васильев неоднократно выступал в печати. Он был одним из авторов орфографии, принятой в 1925 году на II конференции работников просвещения мари, активно сотрудничал в совершенствовании орфографии перед I языковой конференцией. В частности, он являлся одним из ведущих авторов контрпроекта к проекту Мухина—Капитонова. В нем он отстаивал необходимость соблюдения особенностей родного языка при разработке орфографических правил.

В последние годы жизни В. М. Васильев значительное внимание уделял вопросам правописания сложных слов. В архиве МарНИИ сохранилась его статья по данному вопросу. Основные положения этой статьи могли бы быть переняты и в новую орфографию. К сожалению, кажется, никто не обратился к ней при подготовке последней орфографии.

В послереформенный (1938) период интерес В. М. Васильева, как и всей марийской лингвистической науки, к вопросам формирования литературного языка

¹² Там же, стр. 79.

¹³ В. М. Васильев, К вопросу о новой орфографии лугово-восточного марийского литературного языка, Йошкар—Ола 1936.

¹⁴ В. М. Васильев, К вопросу о транскрипции языка мари. — Ўжара, 18 декабря 1917.

заметно ослабевает. Поэтому в послевоенные годы его деятельность в этом отношении ограничилась всего несколькими статьями.

Очень часто основоположниками литературного языка у нас считают только писателей. В отношении марийского литературного языка мы с полным правом можем назвать ими и языковедов, в частности В. М. Васильева, потому что основная тяжесть пополнения словарного богатства и выработки лексико-грамматических норм у нас на первоначальном этапе лежала именно на языковедах, которые к тому же, как и В. М. Васильев, нередко и сами были писателями.

З. М. Дубровина, Инфинитивы в финском языке, Ленинград 1972. 208 стр.

Доцент Ленинградского государственного университета З. М. Дубровина, способный финно-угровед, уже в течение продолжительного времени занималась проблемами синтаксиса финского литературного языка. В последнее время она сосредоточила свой интерес на синтаксических вопросах инфинитивов, у которых в финском языке много форм и очень много функций. Несмотря на то что об инфинитивах финского языка написаны разные статьи, а также некоторые монографии, об их функциях до сих пор монографического исследования не было. З. М. Дубровиной собран очень богатый материал из грамматик, словарей и литературных произведений, начиная примерно с 1870 года, когда окончательно установились основные нормы современного финского литературного языка. На базе собранного материала она составила монографию «Инфинитивы в финском языке», где дано подробное описание всей сложной системы инфинитивных конструкций. Все разделы монографии свидетельствуют о большой лингвистической эрудиции ее автора. Обильный материал проанализирован так хорошо, что у рецензента нет оснований упрекнуть автора в бессистемности. Рецензент уверен, что труд З. М. Дубровиной «Инфинитивы в финском языке» станет настольной книгой для всех языковедов, которые занимаются финно-угроведением и проблемами синтаксиса именных форм глагола, а также для студентов, изучающих в вузах финский язык.

З. М. Дубровина строго придерживается системы, но в то же время у нее есть склонность поддерживать положения, которые укоренились в финском языкознании, хотя и не совсем бесспорны. Приведу один пример.

Финский языковед Э. Н. Сетяля (не Сетэля, как у автора) более 90 лет тому назад написал синтаксис финского языка. Его преемники, а также многие преемники преемников придерживаются взглядов Сетяля, не осмеливаясь его критиковать. По Сетяля, в финском языке четыре инфинитива, а может быть даже пять. Только в последнее время некоторые исследователи финской грамматики высказали иные мнения. З. М. Дубровина добросовестно описывает все взгляды о количестве финских инфинитивов и остается в основном на позициях Сетяля. К сожалению, она учла только те положения, которые разными авторами высказаны о финских инфинитивах. Об инфинитивах близкородственных языков, например эстонского, тоже написано довольно много и подробно. Как хорошо известно автору рецензируемой монографии, в грамматиках этих языков соответствия финским IV и V инфинитивам не считаются инфинитивами. На самом деле они — отглагольные существительные. Что IV и V инфинитивы в финском языке не настоящие инфинитивы, заметила и автор монографии, поэтому они в монографии и называются «так называемыми инфинитивами» (стр. 202). В работе констатируется, что IV инфинитивом называют формы номинатива и партитива единственного числа отглагольных существительных на *-minen* в случаях, когда они в сочетании с глаголом *olla* употребляются для выражения действия, которое следует или не следует совершать (стр. 202). В эстонском языке в конструкциях *nüüd on tal minemine* 'теперь ему надо идти, придется уйти', *on palju tegemist* 'много работы, придется много делать' и т. д. исследователи синтаксиса не находят